в них помпезность сложного и торжественного сценического зрелища, неестественность (т. е. отсутствие реализма), стремление к эффектам, наконец, отсутствие отчетливого морализма, «добродетелей» — так, как он их понимает, потому что с точки зрения княжнинского мировоззрения, и «Росслав» и «Владисан» переполнены прославлением добродетели; но Крылов хочет не гордого героизма аристократии, а социальных и семейственных доблестей более демократических.

Княжнин был либералом. Как и его учителя и единомышленники панинской школы, он — ненавистник тирании; боясь революции низов, он стремился к реформам сверху (см. С. Н. Глинка, «Записки», 1895, стр. 97); но и это не сближает его с Крыловым, потому что они нападают на самовластье с разных позиций. Княжнин — с позиций олигархического конституционализма, Крылов — как разночинец, для которого и либерал - аристократ Панин, и политический реакционер Безбородко почти одинаково враждебны; они для него — разновидности одной породы. Княжнин был для Крылова врагом именно потому, что он был, быть может, последним из фрондеров традиции Панина, не сложившим оружия до самого конца. Панин умер еще в 1783 г.; Фонвизин был осужден на вынужденное молчание; группа была разгромлена правительством Потемкина. Большинство былых дворянских либералов ушли в мистику и в борьбу методом тайного общества — в розенкрейцерство, но и здесь их настигла правительственная расправа. Но политические идеи той же группы звучали в эффектных трагедиях Княжнина, но злоупотребления крепостным правом изобличались в его комической опере «Несчастье от кареты», придворных проходимцев он очернил в комедии «Хвастун». Всего этого было мало Крылову. «Вадима», напечатанного в 1793 г., он в это время еще не знал; но едва ли и «Вадим», лишь с наибольшей полнотой прояснявший позиции Княжнина, примирил его с памятью уже умершего писателя. Впрочем, именно в 1793 г. Крылов сделал уступки по отношению к Княжнину. Клушин, с которым он был в это время тесно связан и лично, и по издательской деятельности, поместил в «СПб. Меркурии» примечание, в котором дал весьма хвалебный отзыв о Княжнине. Правда, в 1792 г. в «Зрителе» Клушин еще упоминает весьма иронически о четырех томах Рифмокрада, т. е. об издании Княжнина 1787 г. (и тут же о «Лоимологии», т. е. о книге доктора Виена; статья «Портреты», «Зритель», I, 35). Но в 1793 г., описывая в повести «Несчастный М—в» любительский спектакль, он пишет: «М—в избирает Дидону и играет роль Ярба — роль, которую называл он пламенною, наполненною страстей, прекрасно писанною и которою знающий Актер может сделать знаменитым имя свое и искусство». К этому месту Клушин сделал примечание: «Дидона траг. в 5-ти действ. в стих., соч. знаменитого нашего драматического стихотворца Як. Бор. Княжнина. Кто не согласится, что сия трагедия есть лучшее театральное сочинение на нашем